

5. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма / Н. Маньковская – Спб., 2000, 347 с.
6. Керимов Т. Х. Симулакрум / Т. Х. Керимов // Современный философский словарь. М., 1996. – 459 с.
7. Платон. Софист [Электронный ресурс] / Платон – Режим доступа: psylib.ukrweb.net/books/plato01/23sofis.htm
8. Тертуллиан. О зрелищах. [Электронный ресурс]. / Тертуллиан – Режим доступа: // tertullian.org/russian/de_spectaculis_rus.htm

Олещенко М. С. Репрезентативна й нерепрезентативна моделі поняття симулякру. Розглянута природа симулякра у репрезентативному і нерепрезентативному аспектах. Проаналізовано особливості розуміння симулякра у творчості Платона, Ж. Делеза і Ж. Бодріяра.
Ключові слова: симулякр, копія, репрезентація, нерепрезентація, модель, культура.

Oleshchenko M. Representative and unrepresentative models of the simulacr concept. In the article is announced understanding simulacrum in the philosophy of Plato, G. Deleuze and J. Baudrillard. However, each of them has its own interpretation and approach to the study of the simulacrum. In the study of G. Deleuze and J. Baudrillard the author made two directions, in which was demonstrated the ontological and cultural features of simulacra. It would be interesting to research this phenomenon in historical and philosophical discourse, and especially the two views of simulacrum. It is also important to note that throughout the history of philosophy discourse dealt with the phenomenon of the simulacrum in cultural, social and in the ontological aspects, this variety will also be covered in this article.

Considered nature of the simulacrum in the represented and unrepresented aspects. The author researched the notion of the representation, also described several sense of using the notion of representation. The dictionary interpretation show that mental representation (or cognitive representation), in philosophy of mind, cognitive psychology, neuroscience, and cognitive science, is a hypothetical internal cognitive symbol that represents external reality, or else a mental process that makes use of such a symbol. Mental representation is the mental imagery of things that are not currently seen or sensed by the sense organs. In our minds, we often have images of objects, events and settings. In contemporary philosophy, specifically in fields of metaphysics such as philosophy of mind and ontology, a mental representation is one of the prevailing ways of explaining and describing the nature of ideas and concepts.

In the historical-philosophical discourse can be shown two levels of simulacra, of which one is: even with distortion, but resembling the original (representative model) and deny the similarity and function according to their own laws (unrepresentative model). The theoretical importance for our further arguments have both models simulacrum, since they allow to reveal interesting transformation concepts for historical and philosophical discourse. The most consistently unrepresentative model of simulacrum presented in the works of J. Baudrillard and G. Deleuze.

Keywords: simulacrum, copy, representation, unrepresentation, model, culture.

Надійшла до редколегії 27.02.2013 р.

УДК 159.96

О. А. Осетрова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СУИЦИДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Анализируются взгляды Б. Херсонского на смысл жизни в контексте суицидологической проблематики. Кроме того, освещаются фундаментальные положения логотерапии В. Франкла.

Ключевые слова: смысл жизни, смерть, экзистенциальный кризис, самоубийство, экзистенциальная тревога, логотерапия.

Бытие таинственно в своей неисчерпаемости. Загадка состоит уже в том, что перед новорожденным человеком распахиваются врата жизни, которую – сознательно или подсознательно – человек проектирует, слагая ее по кирпичикам. При этом, человеческой природе присущ страх смерти, страх небытия. Этот страх может возрасти настолько, что человек принимает решение больше не жить, или – наоборот: у человека настолько атрофируется обозначенный страх, что, как и в первом случае, он приходит к отрицанию – самого себя, мира, жизни.

Круговорот жизни, смерти, страха и порождаемого им отчаяния, влекущего за

собой, в частности, суицидальные мысли и самоубийство, – неразрывная данность, которую преодолевает или не преодолевает человек на своем жизненном пути, протекающем в поиске, в том числе – и смысла жизни. Поэтому размышления о смысле жизни и предназначении всегда актуальны, и актуальность эта неисчерпаема на протяжении существования человечества. Их квинтэссенцией, с моей точки зрения, служит сформулированный французским мыслителем-экзистенциалистом вопрос, возведенный им в ранг фундаментальных вопросов философии: «Стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить?» Этот вопрос можно перефразировать различными способами: «Достаточно ли в жизни смысла, чтобы ее продолжать, если все равно когда-то все закончится?» или «А имеет ли жизнь смысл вообще?» и т. д. В ходе размышлений в подобных направлениях перед человеком параллельно открывается «перспектива» самоубийства как выход из гносеологического или онтологического тупика. Но эта – последняя точка – есть лишь следствие того экзистенциального кризиса, в состоянии которого человек оказался.

Осмысление взаимосвязи обретения или потери смысла жизни с суицидальным решением и составляет основную цель данной статьи, достижению которой подчинены следующие задачи:

- 1) проанализировать размышления известного психолога, поэта и публициста Б. Херсонского о смысле жизни в их корреляции с самоубийством;
- 2) очертить фундаментальные положения логотерапии австрийского психотерапевта В. Франкла;
- 3) сделать выводы.

Базой для написания статьи служат работы Б. Херсонского «Смысл жизни: обретение и утрата» и В. Франкла «Человек в поисках смысла».

Так, Б. Херсонский отмечает, что советские психологи занимали позицию, согласно которой «уже сама постановка вопроса о смысле жизни считалась проявлением психологического кризиса, если не симптомом шизофрении» [2, с. 217]. Такое положение вещей обусловлено штампов, в соответствии с которым чувство / переживание осмысленности есть норма, поскольку жизнь и смысл жизни (осмысленность) не только неотделимы друг от друга, но и являют собою данность, наличие которой не предполагает и не требует – ни доказательной базы, ни обсуждений и размышлений. Следовательно, возникновение обозначенного вопроса свидетельствует о нарушении нормы, то есть о наличии психологических проблем людей, оказавшихся на суицидальном острие.

Переживание осмысленности/бессмысленности жизни можно расценивать как эмоциональное состояние человека, пребывающего в одной из двух точек отсчета – жизни/смерти, которые, по мнению К. Леви-Стросса, составляют основную «полярность» человеческого мышления. В данном контексте Б. Херсонский констатирует: «Для человека, переживающего осмысленность жизни, отправная точка – жизнь. Человек, переживающий бессмысленность существования, имеет точку отсчета – смерть» [2, с. 219]. Приведенному утверждению, с моей точки зрения, присуща излишняя категоричность, поскольку связка «бессмысленность существования – смерть» аннулирует смысл одного из непреложных Законов Природы, исключительно переводя его в ранг зол. Однако при этом не следует забывать об обратной стороне «медали»:

- смерть служит своеобразным эталоном, индикатором характера цивилизации;
- смерть помогает вскрыть человеческие глубинные (личностные) тайны;
- смерть позволяет, как считает А. Я. Гуревич, осознать многие аспекты социально-культурной действительности различных эпох;
- и, наконец, именно отношение к смерти приводит к определенным решениям проблем смысла жизни, свободы воли и т. д.

В свою очередь, Б. Херсонский, размышляя о человеке и его ощущениях относительно жизни и смерти, пришел к следующему выводу: «Человек вне ощущения «притяжения смерти» инстинктивно полагает, что смысл его жизни слагается из мелких «смыслов» либо «осмысленностей» его повседневных действий, в эмоциональных связях и взаимоотношениях с другими людьми,

наконец, в «плодах трудов». Он никогда не производит этого арифметического суммирования, предчувствуя, что подобная процедура ведет к катастрофе. Смысл жизни не складывается из смысла поступков. Так же как бесконечность не является суммой отрезков пространства, а вечность – времени» [2, с. 221].

Человек и его путь – сложнейший интеграл, не полный без смерти. И здесь мне импонирует философская позиция, согласно которой человеческое существование обретает фактическую целостность только благодаря смерти. Таким образом, замыкается, размыкаясь, круг.

В целом человеческая жизнь может развиваться, как отмечает Б. Херсонский, по двум траекториям:

1) по прямой линии, направленной вперед и вверх, – у человека, не переживающего экзистенциальный кризис;

2) по замкнутому кругу, в который трансформируется прямая линия, сгибаясь под действием переживаемого человеком экзистенциального кризиса; двигаясь по замкнутому кругу, человек испытывает ощущения повторяемости, цикличности, отсутствия реального движения, что в целом, фиксирует исследователь, характерно для кризиса личности.

Как правило, экзистенциальный кризис сопровождается интенсивной психической болью – метаболью, по определению ведущего американского суицидолога Э. С. Шнейдмана. Именно эта нестерпимая метаболь, или психическая (душевная) боль (psychache), которая «порождается фрустрированными или искаженными психологическими потребностями» [3, с. 124-125], и служит основным мотивом самоубийства. Она отлична от телесной (физической) боли и сопровождается душевным смятением, страданием, мучением, тоской. В качестве источников душевной боли исследователь выделил вину, стыд, одиночество, горе, печаль, страх смерти/страх чего-либо. Ученый отметил: «Когда человек переживает душевную боль, ее интроспективная реальность не вызывает у него никаких сомнений» [3, с. 309].

Э. С. Шнейдман указал, что в целом суицидальный акт являет собой одновременно бегство от этой боли и приближение к покою неодушевленности, в котором будет прекращено мучительное страдание. Иными словами, поскольку человек всегда пребывает в ситуации, то посредством самоубийства-бегства он изымает свою жизнь из ситуации, ставшей для него невыносимой. Это значит, по мнению исследователя, что самоубийство – это драма, которая разворачивается в человеческой душе. Исход этой драмы логичен и обусловлен особенностями характеров суицидентов, считает американский суицидолог.

В свою очередь, с точки зрения Б. Херсонского, самоубийство как средство преодоления боли выступает в качестве радикальной «анестезии», способной прекратить поток экзистенциальных переживаний, которые часто возникают у людей, экзистенциально надломленных и, соответственно, остро переживающих бессмысленность собственного существования.

Б. Херсонский подчеркнул, что первичной реакцией человека, переживающего экзистенциальный кризис, есть особый вид тревоги – синтез страха, тоски и скуки. Исследователю импонирует описание форм экзистенциального страха, принадлежащее протестантскому теологу П. Тиллиху, который в работе «Мужество быть» выделил три ипостаси внутренне единой экзистенциальной тревоги. Причем, каждая из ипостасей имеет относительную («мягкую») и абсолютную («жесткую», необратимую) степени. Речь, таким образом, идет о тревоге:

- 1) судьбы (относительная степень) и смерти (абсолютная степень);
- 2) пустоты (относительная степень) и бессмысленности (абсолютная степень);
- 3) вины (относительная степень) и осуждения/проклятия (абсолютная степень).

При этом следует учитывать, что экзистенциальная тревога непосредственно связана с осознанием небытия, которое, так или иначе, вторгается в человеческое бытие, а главное – в бытие Моего собственного Я. Более того, ужас небытия сопрягается в человеке с его стремлением к небытию. Таким образом, человек, переживая ужас небытия и ощущение бессмысленности жизни, приходит к мысли

о самоубийстве, которое, в свою очередь, есть не что иное, как бессмысленный поступок.

Парадокс здесь заключается в том, что для суицидента и бессмыслица – враг, и смысл – враг, что, как это ни абсурдно звучит, ставит знак равенства между смыслом и бессмыслицей.

Поиск человеком смысла жизни и переживание им экзистенциального кризиса составляют ключевые моменты логотерапии – экзистенциального анализа австрийского психотерапевта В. Франкла. Основная цель логотерапии состоит в том, чтобы пациент, пройдя сквозь свой экзистенциальный кризис развития и роста, осознал скрытый смысл собственного существования.

Логотерапия апеллирует к «духовному бессознательному» человека, акцентируя внимание не на воле к власти (А. Адлер), не на стремлении к удовольствию (З. Фрейд), а на воле к смыслу. При этом логотерапевт не имеет права навязывать своему пациенту определенную систему ценностных координат. Роль логотерапевта – расширение поля зрения пациента, что позволит последнему охватить «внутренним» взором широкий (если не бесконечный) спектр ценностных ориентаций и смыслов. Это особенно ценная установка в работе с суицидальными пациентами, поскольку их сознание может быть максимально сужено до одной единственной точки, например, подоконника.

Конечная же цель отмеченной «процедуры» расширения – обретение человеком возможности актуализации потенциального смысла собственной жизни вопреки трагической триаде человеческого бытия, которую, по В. Франклу, составляют:

- 1) боль;
- 2) смерть;
- 3) вина.

Встреча человека с выделенными психотерапевтом тремя экзистенциальными фактами жизни, напрямую связанными с конечностью человеческого существования, неизбежна, но от этого человеческая жизнь не лишается смысла, который, так или иначе, содержится «в праве пройти через страдание, не сгибаясь» [1, с. 300]. Признание триады для ученого вовсе не стало точкой отсчета пессимистической системы мировоззренческих координат. Наоборот, по меткому определению самого В. Франкла, «логотерапия – это оптимистическое отношение к жизни, потому что она учит тому, что нет трагических и негативных аспектов, которые не могли бы посредством занимаемой по отношению к ним позиции быть превращены в позитивные достижения» [1, с. 302].

Отличительной чертой логотерапевта служит установка, согласно которой подлинный смысл жизни человеку следует искать не в себе самом, а в окружающем его мире. Следовательно, ответственность за обретение смысла собственной жизни есть прерогатива именно этого человека.

Кроме того, в ходе собственных поисков В. Франкл пришел к выводу о существовании в мире «сверхсмысла», который есть предмет веры. Отсюда, логотерапия австрийского психотерапевта стала восприниматься рядом исследователей как религиозная вера, вследствие чего начало происходить отождествление ее если не с религией, то, по крайней мере, с психотерапией религиозной, что не соответствует истинному положению вещей и видению самого ее основателя. На самом деле, логотерапия, по своей природе, нейтральна, как по отношению к религии, так и в случае с нерелигиозной системой мировоззренческих координат. Это значит, что логотерапия нацелена на помощь каждому, кто в ней нуждается. И в своей нацеленности логотерапевт основывается на признании необходимости для человека (для исцеления пациента) веры – в бытие, в смысл, в сверхсмысл. Иными словами, для успеха и специалисту, и пациенту в области логотерапии необходима «безусловная вера в безусловный смысл», которая служит «открытой дверью» в онтологические перспективы и человеческие возможности, делая реальностью «бытие-вопреки-смерти».

И самое главное:

- 1) основным положением логотерапии есть признание безусловного смысла самой жизни;

2) основным руководством логотерапевта есть безусловная вера в смысл жизни каждого человека без исключения, в смысл, не исчезающий со смертью и не аннулируемый смертью.

Выводы. Человек – существо, наделенное сознанием, увенчивающимся самосознанием, что позволяет ему рефлексировать о своей конечности и смысле жизни, проектировать себя в модусе будущего, переживать вину, стыд, страх, в том числе – и страх смерти. Человек – существо духовное настолько, что ему присуще духовное бессознательное.

С одной стороны, метафизические глубины человека соотносятся с его безграничными возможностями онтологических и гносеологических перспектив. Однако имеет место и другая сторона отмеченной глубины: человек подвержен отчаянию, потерям, экзистенциальным кризисам, «постижению» бессмысленности собственного существования. И здесь очень важно вовремя остановиться, в частности, не переступив грани суицидального среза, за которой исчезают любые перспективы и возможности; вовремя «распознать» всю бессмысленность суицидального акта, разрушающего целостность человека – целостность в системе «жизнь – смерть».

Перспективы. Данная статья в дальнейшем послужит основанием для историко-философского анализа проблемы смысла жизни в контексте суицидологической и танатологической проблематики.

Библиографические ссылки

1. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с.
2. Херсонский Б. Смысл жизни: обретение и утрата / Б. Херсонский // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М. : Когито-Центр, 2001. – С. 217–226.
3. Шнейдман Э. С. Душа самоубийц / Э. С. Шнейдман. – М. : Смысл, 2001. – 315 с.

Осетрова О.О. Роздуми про сенс життя в контексті суїцидологічної проблематики
Аналізуються погляди Б. Херсонського на сенс життя в контексті суїцидологічної проблематики. Крім того, висвітлюються фундаментальні положення логотерапії В. Франкла.
Ключові слова: сенс життя, смерть, екзистенціальна криза, самогубство, екзистенціальна тривога, логотерапія.

Osetrova O. Reflection about life sense in suicidological problems' context.
This article is devoted to the analysis of B. Hersonsky's outlooks on life sense in suicidological problems' context. The article highlights fundamental principles of the V. Frankl's logotherapy. The main goal of this article is the understanding the relationship of gaining or losing the meaning of life with a suicidal decision. The objectives are: 1) to analyze the reflections famous psychologist, poet and essayist B. Kherson about the meaning of life in their correlation with suicide; 2) outline the fundamental tenets of logotherapy Austrian psychotherapist V. Frankl; 3) to draw conclusions. The papers of Kherson «The meaning of life: the acquisition and loss» and V. Frankl's «Man's Search for Meaning» are used as the basis for writing this article.

In the course of his personal researches Frankl came to the conclusion that there is a «supermeaning» in the world, which is the object of faith. Hence, logotherapy of the Austrian psychotherapist began to be seen by some researchers as a religious belief, thereby identifying it started to happen if not with religion, then at least with psychotherapy religion, which does not correspond to the true state of affairs and of the vision of its founder. In fact, logotherapy, inherently neutral as to religion and in the case of secular philosophical coordinate system. This means that the logotherapy aims to help everyone who needs it. The main provision of unconditional acceptance logotherapy is the most meaningless of life. The main guide of the logoterapist is the unconditional faith in the meaning of the life of every person, without exception, in the sense of not disappearing with the death and not annihilated by death. This article will serve as a further basis for the historical and philosophical analysis of the problem of the meaning in life in the context of suicideological and thanatological issues.

Keywords: life sense, death, existential crisis, suicide, existential anxiety, logotherapy.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.